

РУССКО-ВЕНГЕРСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ДО НАЧАЛА XIII ВЕКА

М. П. ПАВЛУШКОВА

Истории русско-венгерских отношений IX—X вв. не посвящено еще отдельного специального исследования, но, поскольку предки венгров переселились на территорию современной Венгрии из южнорусских степей, вопрос об их взаимоотношении с русскими племенами неоднократно затрагивался многими, прежде всего венгерскими авторами.

Отсутствие анализа социально-экономических основ международной политики неизбежно приводило к тому, что в венгерской буржуазной историографии укоренились теории, способствовавшие развитию национализма. К их числу следует отнести теорию о «врожденной воинственности» венгров, которая, исходя из якобы не требующего доказательств убеждения в превосходстве «государственного устройства» воинственных кочевников, утверждала, что все соседние с венграми народы, и в особенности славяне, как восточные, так и придунайские, неизбежно должны были оказаться в полном подчинении у венгров. Основные аргументы черпали при этом из совершенно некритически воспринятых свидетельств древне-восточных авторов и венгерской хроники — Анонима, сообщению которой о покорении венграми Киева считали возможным полностью доверять¹.

Историю русско-венгерских отношений можно изучать прежде всего с помощью критического анализа тех свидетельств, которые содержат венгерские хроники. Интерес представляют в основном две хроники: хроника анонимного нотариуса короля Бельи III, написанная, как установлено в работе Дери², в конце XII в. магистром Петром, пробстом примаса венгерской церкви — архиепископа эстергомского, а также так называемая Венская иллюстрированная хроника, составленная в 1358 г. придворным капелланом венгерского короля Людовика Великого монахом Марком Кальти³. Последний источник наиболее полно отразил ранний период истории венгерского народа, явившись компиляцией ряда более ранних источников, которые, по мнению большинства исследователей, восходят к концу XI в.

Что же касается «Gesta Hungarorum» пробста Петра, то в нее был внесен ряд сведений, почерпнутых из Прагесты XI в., в целях оправдания притязаний светской знати, стремившейся к захвату земельных владений⁴.

Сведения венгерских источников дополняют русские летописи, восходящие к общему источнику начала XII в., а также свидетельства византийского императора Константина Багрянородного, относящиеся к середине X в. и древневосточных путешественников и географов конца IX—XI вв.

Отдельные свидетельства, имеющиеся у западных хронистов, способствуют восстановлению общей направленности международных отношений изучаемого периода. Поскольку письменные источники содержат лишь отдельные намеки на экономические отношения для восстановления характера последних оказывается необходимым привлечь различного рода лингвистические и археологические свидетельства, которые, однако, носят чрезвычайно запутанный характер по той причине, что в науке еще не установилось определенного мнения относительно места пребывания венгерских племен на территории России и относительно того, у каких племен и народов оказались заимствованными в современном венгерском языке (финно-угорском по своему основному словарному составу) многочисленные слова иранского-тюркского и славянского происхождения.

* * *

Русско-венгерские отношения раннего периода (до IX в.) можно характеризовать почти исключительно только на основе кратких свидетельств арабских и персидских

¹ См., напр. F. Kubinyi. Orosz fíjedelmek a IX század végén «századok», 1801.

² Györi János gesta regum. Gesta nobilium, Bp., 1948.

³ D. Kosáry. Bevezetés a magyar történelem forrásiba es irodalmába, kötet, I, Bp., 1951, 43 Lstb. (Введение в венгерское источниковедение и историографию).

⁴ Там же.

авторов IX в., сообщающих о том, что венгры грабили и поработали соседние славянские и русские племена, вынуждая их платить дань и продавая византийцам славянских пленников⁵. Персидский автор Гардизи и арабский автор Ибн-Руста сообщают о том, что венгры «постоянно грабят славян», «нападают на славян и на русских и приводят от них пленников» (Гардизи) и что «они господствуют над соседними славянскими народами и облагают их тяжкими даями, состоящими из продуктов. Захватив в свою власть эти народы, они считают их своими невольниками» (Ибн-Руста)⁶.

По мнению венгерского ученого Э. Мольнара, к числу покоренных венграми племен относились поляне, северяне и вятичи, хотя первые могли платить дань Венгрии в течение лишь краткого периода так как «организованные в рамках государства поляне несомненно превосходили венгров в силах»⁷. Этот вывод Мольнар делает на основании предложения будто под хазарами «Повести временных лет» в IX в. следует подразумевать венгров. В таком случае, однако, как уже отмечалось, непонятно почему «Повесть временных лет», дважды упоминая о переселении венгров (угров), проходивших мимо Киева в 895—896 гг., ни разу не указывает на то, что это были недавние поработители основных племен Руси⁸. При изучении трудов Гардизи и Ибн-Руста недоумение вызывает разноречивость и совершенно очевидная фрагмен-

⁵ См. К. Я. Грот. Моравия и мадьяры с половины IX до начала X века, СПб., 1881. С конца 30-х годов Г. Вернадский сделал попытку доказать, что южные области русского государства, включая и Киев, находились вплоть до конца IX в. под властью венгров, которые в свою очередь подчинялись хазарам. George Vernadsky. *Lehedia Studies on the Magyar Background of Kievan Russia*, «Byzantion», 1933. Ср. также G. Vernadsky. *History of Russia*, vol. I, 1943, 1944, (New Haven). Этот вывод, по его мнению, следует из того обстоятельства, что в венгерском языке слова «раб» и «барщина» заимствованы из славянского языка («rob», «robot») и что Константин Багрянородный называет вождей венгерских племен, живших на восточно-европейской низменности в IX в., славянским словом «воевода» (βοεβοδοξ). Однако акад. М. Н. Тихомиров справедливо возразил Вернадскому, указав на то, что подобного рода заимствования скорее могут свидетельствовать о политическом влиянии русских племен на венгерские, чем наоборот. М. Н. Тихомиров. Славяне в истории России проф. Вернадского. «Вопросы истории», 1946, № 4, стр. 125—127; см. также Э. Мольнар. Проблема этногенеза и древней истории венгерского народа, Будапешт, 1955, стр. 128 и сл.; K. Macartney. *The Magyars in the ninth century*, Cambridge, London, 1930, p. 99.

Если бы венгры представляли исполнительную власть хазар, об этом обязательно было бы сказано в сообщении Константина Багрянородного, который главное внимание обращал на политические отношения народов Восточной Европы и посвятил даже специальную главу своего труда вопросу о том «как и кому воевать с Хазарией» (Константин Багрянородный. Об управлении государством. «Известия византийских писателей о Северном Причерноморье», изд. ГАИМК, вып. 91, М., 1934, гл. 10, стр. 10). Константин же напротив подчеркивает, что «в старину» семь венгерских племен, «никогда не имели князя ни своего, ни чужого» (там же, гл. 38, стр. 17). И если бы его сообщение о том, что венгры помогали хазарам «во всех их войнах» относилось бы к войнам с русскими «Повесть временных лет», составленная в начале XII в., т. е. именно в то время, когда русско-венгерские отношения ухудшились, не преминула бы указать на победы русских не только над хазарами, но и над предками венгров.

Небезынтересно было бы в настоящем контексте отметить мнение английского ученого К. Макартнея, который при подробном анализе произведения Константина Багрянородного выдвинул гипотезу о происхождении его сведений из различных источников, и, в частности, рассказ об отношениях венгров с хазарами от считает результатом славянской информации, в которой вождь племени был назван воеводой.

⁶ См. Э. Мольнар. Проблемы этногенеза и древней истории венгерского народа, Будапешт, 1955, стр. 126—127.

⁷ Там же, стр. 127—129. Ту же точку зрения разделяет и другой венгерский автор, посвятивший свою работу специально истории вопроса (József Regényi. *A magyarok es kelet szlavok kapcsolatai a honfoglalás ellöt*), опубликованную в сборнике статей, посвященных русско-венгерским отношениям («A magyar-orosz történelmi kapcsolatok», Вр., 1957). В русском переводе эта работа напечатана под названием «Взаимоотношения венгров с восточно-славянскими племенами до переселения», («Studia Slavica», t. II, 1956, f. 1—4).

⁸ См. ПВЛ, ч. I, М.—Л., 1950, стр. 14—21; ср. также, стр. 16, 18, 20. Макартней, на основании критики свидетельства Константина Багрянородного, исправляет указанную в «Повести временных лет» дату прохода венгров мимо Киева, предлагая отнести это событие не к 898, а к 895—896 гг. (К. Макартней. Указ. соч., стр. 84).

тарность их сообщений об отношениях венгров к славянам. Так, указав на то, что венгры «совершенно подчинили славян и заставляют их поставлять себе продукты питания, считая их своими рабами», Гардизи далее, после фразы о том, что венгры огнепоклонники, снова возвращается к прежней теме и сообщает, что венгры «делают набеги на славян (saglab) и Русь, уводят людей и продают их»⁹. Что же касается труда Ибн-Руста, то его сообщение содержит указание на место продажи венграми славянских пленных на морском берегу «около самого предела страны греков по названию Каркх» (Керчь)¹⁰. В то же время Ибн-Руста не сообщает о каких-либо столкновениях между венграми и русскими.

Анализируя происхождение сведений древневосточных географов о венграх, Маккартней пришел к выводу, что хотя оба приведенные выше свидетельства восходят к общему оригиналу конца IX или начала X в., не исключена возможность того, что позднейшие вставки внесли путаницу, например, в отношении места жительства венгров¹¹. Важно также отметить, что если труд Гардизи появился около 1050 г. в результате переработки более ранних географических произведений, то Ибн-Руста, писавший в начале X в., являлся современником переселения венгров. В то же время Ибн-Руста знал о существовании Киевской Руси¹² и не мог не отметить такого факта, как занятие Киева венграми, если бы он имел место. Таким образом, доверять свидетельству Гардизи о том, что венгры поработили русских никак нельзя.

Современные исследования устанавливают, что венгры до переселения на территорию современной Венгрии жили где-то в лесостепи, между Киевом и Воронежем, в местности, которая, по свидетельству Константина Багрянородного, носила название Леведия¹³, куда они переселились с нижнего течения Камы в результате нападения печенегов.

Венгерские источники не сообщают о каких-либо столкновениях между переселившимися венграми и славянскими племенами Северо-восточной Руси, следующим образом рассказывая об этом переселении: «В 884 году от рождения Христова, как следует из ежегодных хроник, семь князей, которых называют *hetümgögyer*, ушли из скифской земли, из восточной ее части. В их числе ушел из этого королевства герцог Альмош сын Угека, из рода короля Магога,... их (князей) господин и советник вместе со своей женой и сыном Арпадом..., а также с великим множеством народа и с бесчисленным [количеством] союзников. Двигаясь долгое время по пустынным местам, они переправились через реку Этиль, по языческому обычаю на бурдюках из бычачьих шкур, и не нашли следа какого-либо города или поселения... Они были вынуждены питаться только мясом и рыбой, до тех пор пока не пришли в Россию (*Ruszia*), которая зовется Сусудал. Их юноши почти ежедневно охотились. До сегодняшнего дня в современной Венгрии среди прочих венгерских родов имеются особенно хорошие охотники. Таковым был и герцог Альмеш, когда, двигаясь со всеми своими родами, вступил в русскую землю, которую называют Суздаль (*Susudal*)». «Потом они прибыли в страну рутенов, дошли без всякого сопротивления до города Киева... И решили переправиться через реку Днепр, чтобы подчинить себе государство рутенов»¹⁴.

Приведенное свидетельство относится к концу XII в., когда оно могло быть продиктовано политическими интересами той партии, к которой принадлежал автор хроники — магистр Петр. Тем не менее, он не преминул бы отметить факт господства над славянскими племенами северо-восточной Руси какой-либо народной группы, которую имелись бы основания причислить к венграм.

⁹ К. Маккартней. Указ. соч., Приложение Гардизи, вариант С.

¹⁰ Там же, Приложение Ибн-Руста, вариант С.

¹¹ Там же, стр. 5—16.

¹² А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских, СПб., 1870.

¹³ Э. Молнар. Указ. соч., стр. 117—118; ср. с новейшими трудами венгерских историков Е. Моог. *Studien zur früh und Urgeschichte des ungarischen Volkes. Acta ethnographica*, t. II, fas. 1—4, Вр., 1951, S. 117 ff. Критический анализ свидетельства Константина Багрянородного (гл. 37) позволил К. Маккартнею сделать вывод, что венгерские племена переселились на территорию современной Венгрии непосредственно из Леведии, а не из области, названной Константином венгерским словом «*Etelköz*» (К. Маккартней. Указ. соч., стр. 94, 98).

¹⁴ «*Scriptores Rerum Hungaricarum*» (далее — SSRH), vol. I, Вр., 1937, p. 42.

Стремясь выяснить обстоятельства ухода венгров из области Дона, Моор справедливо заметил, что указание венгерской анонимной хроники на выселение семи венгерских племен (*hetűmogyer*) из области донецких венгров (*dentűmogyer*) служит ясным свидетельством того, что не все венгры оставили бассейн Дона и Донца в конце IX в.¹⁵ Это тем более вероятно потому, что как составитель «Повести временных лет», так и более поздние русские источники знали о живших в областях к югу от Москвы родственных венграм племенах — уграх. Представителями этих племен были, по-видимому, любимый слуга муромского князя Бориса (начало XI в.) «сын Угреск именем Георги»¹⁶ и его брат Моисей Угрин¹⁷. Если даже предположить, что братья были выходцами из Венгрии¹⁸, знаменателен уже самый факт привлечения на службу к муромскому князю человека, понимавшего язык соседних финно-угорских народов.

О племенах «угров» было известно и на Западе. В 1235 г. по поручению папы Григория IX в Восточную Европу было отправлено посольство, целью которого являлась христианизация населения так называемой «Великой Венгрии» (*Magna Hungaria*)¹⁹. Однако этим миссионерам так и не удалось обнаружить какого-либо государственного образования родственных венграм племен. Встреченные же ими родственные венграм по языку племена в одном месте оказались, по словам отчета монаха Юлиана, в самом первобытном состоянии, а в другом — монахи нашли лишь остатки народа, бежавшего под натиском татаро-монгольских войск. Но и последних миссионеры не смогли обратить в католичество из-за запрета владими́ро-суздальского князя, по соседству с владениями которого они встретили этот народ²⁰. Мнение о том, что где-то в окрестностях Москвы жили родственные венграм племена, сохранилось вплоть до начала XVI в., судя по записям хронистов, компилировавших источники, восходящие к XIII в.²¹, и по документам папской канцелярии XIV—XV вв.²² Но эти сведения, по всей вероятности, собирались исключительно с целью распространения влияния католической церкви на русские земли. В действительности эти народы в результате длительного мирного сосуществования с окружающими русскими племенами постепенно ассимилировались настолько, что посетивший Московское государство в XVI в. немецкий посол и известный путешественник Герберштейн не нашел народа, язык которого мог бы понять его слуга, говоривший по-венгерски²³.

Имеются также многочисленные свидетельства восточных авторов о том, что венгры (маджары) были известны в северном Причерноморье долгое время спустя после переселения венгров на их современную территорию²⁴.

Отсюда следует вывод, что свидетельства восточных авторов о враждебных отношениях маджар и славян вовсе не обязательно касаются предков венгерского народа. Это тем более вероятно, что указанные свидетельства были связаны с племенами северного Причерноморья, и, следовательно, грабительские походы этих племен вероятнее всего были направлены против таманских славян, подобно тому, как эта область подвергалась нападению черных болгар²⁵.

¹⁵ E. Moór. Studien zur früh und Urgeschichte des ungarischen Volkes. Acta ethnographica, t. II, fasc. 1—4, Bp., 1951.

¹⁶ ПВЛ, ч. I, стр. 91.

¹⁷ См. там же, ч. II, комментарии к стр. 91—92, 97, 101.

¹⁸ Такого мнения придерживается А. Н. Китушин в своей работе «Ранние русско-венгерские связи IX—XV вв.», «Ученые записки Азербайджанского ун-та», 1956, № 6, стр. 107.

¹⁹ SSRH, vol. II, p. 535—543.

²⁰ Там же; стр. 539—540, 541—542.

²¹ SSRH, vol. II, стр. 539, прим. 3.

²² К. Макартней. Указ. соч., стр. 171—173.

²³ С. Герберштейн. Записки о московитских делах, СПб., 1908, стр. 135—136.

²⁴ См. В. Бартольд. Анонимный автор персидской географии XI века Худад-ал-Алем, Л., 1930, стр. 40; А. Я. Гаркави. Указ. соч., стр. 59. По мнению Макартнея, под турками — наемниками хазар, находившимися в начале X в. во враждебных отношениях между собой, следует разуметь венгров (см. К. Макартней. Указ. соч., стр. 37). Ср. также свидетельство Рашид ад-Дина, согласно которому в войске золотоордынского хана Тохты, кроме монголов, находились тумены русских, черкесов, кыпчаков, маджаров и др. (Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение, М.-Л., 1950, стр. 100, прим. 2).

²⁵ «Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XIII вв.», М., 1953, стр. 401.

С другой стороны, ничто не позволяет говорить о политическом подчинении венгерских племен русским, если вплоть до XIII в. Владимиро-суздальское княжество не предприняло попыток покорить родственные венграм племена²⁶.

Переселившиеся под натиском печенегов венгерские племена не смогли поселиться где-либо в более близких к Дону областях, видимо, по той простой причине, что печенеги распространились до самых границ Древнерусского государства, о чем свидетельствует топонимика Харьковской области²⁷. Правда, такие данные топонимики, как село Угорское близ Киева и ряд других названий, которые так или иначе представляется возможным сблизать с названиями венгерских племен²⁸, свидетельствуют о том, что часть венгров могла осесть на территории Древнерусского государства. Однако главная масса переселенцев направилась через Карпаты на территорию современной Венгрии, где в то время не было единого государства.

При этом крайне неправдоподобно выглядит рассказ венгерского хрониста магистра Петра о покорении венграми Киева, Владимира Волынского и Галича: разбитые печенегами венгерские племена, лишенные своих дружин, находившихся в дальнейшем походе²⁹, изображаются им как победители, с триумфом берущие укрепленные русские города и взимающие с русских князей в качестве дани несметные сокровища³⁰. В случае, если бы подобный захват Древнерусского государства венграми имел место в действительности, последним незачем было оставлять занятые ими территории. Представляется, что самый факт вступления ослабленных печенегами венгров на территорию крепнущего Древнерусского государства свидетельствует об отсутствии в прежнее время каких-либо враждебных отношений между союзом венгерских племен и Киевской Русью. По мнению Моора, самый путь, по которому двинулись переселенцы, свидетельствует об издавна сложившихся торговых связях³¹.

Согласно Воскресенской, 1-й Софийской и Никоновской летописям, приплывший к Киеву Олег называл себя «гостем подьугорским»³² и, притворившись больным, велел сказать Аскольду и Диру, чтобы они пришли к нему, так как он имеет «много великаго и другаго бисера и всякаго узоричиа» и хочет с глазу на глаз переговорить с ними³³. Олег остановился на Днепре выше Киева, притворился больным купцом и не поехал дальше по той простой причине, что иначе не удалась бы его хитрость, так как в Киеве, вне всякого сомнения, производился сбор пошлин с проезжих купцов. А тот факт, что Олег остановился около горы Угорской и назвал себя «гостем подьугорским» может рассматриваться как свидетельство существования под Киевом венгерского торгового квартала. Летописец совершенно определенно говорит о том, что во время убийства Аскольда и Дира в этом месте не было ни «Ольмина двора», ни поставленной этим «Ольма» церкви святому Николу³⁴.

На существование издавна сложившихся торговых отношений между Киевом и теми областями, в которых жили предки венгров, указывают также выводы Б. А. Рыбакова о связях Киева с северным и средним Поволжьем³⁵. А в начале XI в. среди родственных венграм племен Северной Руси имелись уже крупные купцы, судя по тому, что брат слуги Бориса Георгия «сына Угреск» по имени Ефрем Новоторженин учредил в 1030 г. близ Торжка Борисоглебский монастырь³⁶.

²⁶ SSRH, vol. II, p. 542.

²⁷ См. «Очерки...», стр. 194.

²⁸ См. Э. Моор. Указ. соч., стр. 91.

²⁹ См. Константин Багрянородный. Указ соч., гл. 40, стр. 19.

³⁰ SSRH, vol. I, pp. 46—50. Г. Вернадский, который без всякой критики принял это сообщение, с его помощью стремился доказать, что вождь одного из венгерских племен Альмош, отказавшийся от княжеской власти в пользу своего сына Арпада, был оставлен венграми в качестве своего наместника в Киеве (Г. Вернадский. Указ. соч., стр. 198—201). Отсюда, по мнению Вернадского, и упоминание русской летописью «Ольмина двора», «на горе еже ся ныне зоветь Угорское» (ПВЛ, ч. I, стр. 20), который он объявил дворцом — резиденцией Альмоша, родоначальника древнейшей венгерской династии Арпадов. М. Н. Тихомиров показал несостоятельность аргументов Вернадского (М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 127—128).

³¹ Э. Моор. Указ. соч., стр. 41—54, 106, 137.

³² ПСРЛ, т. VII, стр. 230; т. V, стр. 12; т. IX, стр. 15.

³³ ПВЛ, ч. II, стр. 252. Комментарии к стр. 20.

³⁴ Там же, стр. 20.

³⁵ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, М., 1948, стр. 468.

³⁶ ПВЛ, ч. II, стр. 358.

В то же время поразительное сходство бронзовых вещей IX—X вв., найденных на территории бассейнов верховьев Дона и Оки и на Северном Донце, с вещами, найденными на территории Венгрии, свидетельствует о широких торговых связях, установленных предками венгров и родственными им племенами³⁷. Не исключена возможность участия русских в этой торговле.

В венгерском языке имеется целый ряд заимствованных из славянских языков обозначений для таких орудий труда как соха, коса, лопата и т. п.³⁸. Слово «сабля» (*szábla*) также заимствовано венграми через посредство языка восточных славян³⁹. На территории Венгрии и Далмации были распространены мечи так называемого корольского типа, являвшиеся также характерным оружием русских дружинников того времени. Не исключена возможность того, что венгры покупали на Руси еще не окончательно отделанное оружие, так как, по словам Лиутпранда, они, готовясь к летним набегам на Западную Европу, проводили зиму за приготовлением стрел и другого оружия⁴⁰. Кроме того, многочисленные раскопки венгерских селений X—XI вв. свидетельствуют о внедрении в быт народа таких предметов, как ножи, наконечники стрел, огнива, гвозди, крючья, стремена и т. д.⁴¹.

Однако ни в Венгрии, ни в Далмации не было железной руды, которую можно было бы использовать при тогдашнем уровне добывающего и обрабатывающего производства. У западных границ Венгрии, в Каринтии и Тироле, издавна разрабатывались железные руды. Но на эти области, входившие в состав Франкского государства должны были распространяться суровые предписания Карла Великого и Карла Лысого, запрещавшие под страхом смертной казни дарить и продавать оружие иностранцам⁴². По всей вероятности, указанные постановления были полностью распространены на венгров. В то же время характерно, что совершая набеги на все соседние области, венгерские отряды ни разу не вторгались на территорию Древнерусского государства⁴³. Единственное объяснение этому необычному обстоятельству можно искать в том, что древняя Русь была государством, с которым венгры продолжали осуществлять регулярные экономические связи, несмотря на внутренние беспорядки, происходившие у них в X в. в результате разложения родоплеменного строя. Возникшее в X в. венгерское государство было особенно заинтересовано в торговле с Русью, по той причине, что довенгерское население Паннонии на протяжении ряда веков находилось на положении римской провинции и должно было снабжать метрополию продовольствием, совершенно не получая взамен более производительных железных орудий, хотя совсем недалеко был расположен крупнейший центр римского железодельного производства — Большой Норик. (Именно этим объясняется тот факт, что немногочисленные железные предметы довенгерского периода, которые обнаружены на территории современной Венгрии, были занесены туда с Востока⁴⁴).

Венгрия, как известно из летописи, поставляла в лежащие от нее на Восток страны коней и серебро. Правда, сообщая о том, что в Переяславец на Дунае прибывали «из Чех, из Угорь сребро и комони»⁴⁵, русская летопись не говорит о непосредствен-

³⁷ Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 110—112, ср. также стр. 106—107; Feticsch N. A honfoglalo magyasagfoldvisiege, Вр., 1937. (Облик венгров в период занятия страны).

³⁸ I. Knyazsa, Szlav jövenyszavaink, Вр., 1955, II к., 743 I. (наши слова заимствованы у славян).

³⁹ И. Кнежа. Указ. соч., т. I, стр. 102, 103, 304; т. II, стр. 606. Что же касается сходства венгерской сабли с саблями минусинской котловины (Э. Моор. Указ. соч., стр. 89; см. также Н. Я. Мерперт. О генезисе салтовской культуры. КСИИМК, т. XXXVI, М., 1951), то оно могло быть результатом подражания привозным образцам, так как при наличии железодельного производства у соседних венграм волжских болгар и русских, не имело смысла покупать сабли в Западной Сибири.

⁴⁰ Liutprandi Antapodosis. Lib II, sec. III, Ab. GSST III, p. 286.

⁴¹ Folia archeologica, Вр., 1941, pp. 231—252.

⁴² MGH Legum Sectio II, Capitularis regum francorum, t. II, ed. V. Krause, Hannoverae, 1890, p. 321.

⁴³ См. подробные исследования о набегах венгерских отрядов в работах R. Lutich. Ungarzüge in Europa in 10 Jahrhundert, Berlin, 1910; Gina Fasoli. Le Incurioni Ungere in Europe nel secola X, Firenze, 1945.

⁴⁴ См. S. Gilles et T. Horvath. Un peuple cavalier prescythique et Hongroie (Dissertation panonica ser. II. 9). T. Wittman, E. Müvelet es tudomány, 1954, № II, 17; Ф. Филсп. Значение статей Сталина о языкознании для венгерской археологии. «Acta archeologica», t. II, Вр., 1952, fas. 1—3.

⁴⁵ ПВЛ, ч. I, стр. 48.

ных торговых сношениях Венгрии с Русью. Однако в другом месте летописи сообщение о мирных отношениях Киевской Руси при Владимире «с князи околними миром, с Болеславом Лядьскимъ и с Стефаном Угорьскимъ и с Андриахомъ Чешьскимъ» стоит сразу же после рассказа о том, как Владимир, слыша ропот дружины, не желавшей есть деревянными ложками, «повеле исковати лжиць сребрены ясти дружине»⁴⁶. Возможно, что такая последовательность в летописи не случайна, если к тому же учесть, что во время торжества, устроенного Владимиром по поводу решения построить в Васильеве церковь святого Преображения, было роздано 300 гривен⁴⁷ и, следовательно, княжеская казна располагала значительным запасом серебра.

Ввоз венгерского серебра и коней подтверждает гипотезу о вывозе железа и продукции железоделательного ремесла из Руси, так как вряд ли издавна славившаяся плодородием «венгерская земля» стала бы вывозить из Руси в обмен на столь дорогие товары лишь продукты продовольствия или указанные в летописи меха, мед, воск и рабов⁴⁸.

Поскольку и Венгрия и Русь были кровно заинтересованы в экономическом общении, прогрессивные элементы общества, как правило, стремились сохранить и упрочить мирные добрососедские отношения этих государств. Это были прежде всего крестьяне и горожане, а иногда и низшие слои дружины, которые, будучи заинтересованы в установлении нормальной экономической жизни страны, стремились к сохранению государственного единства.

Если в первую половину X в. торговые связи Венгрии с Русью не встречали каких-либо существенных препятствий, так как в это время Древнерусское государство уже представляло собой единое целое, а в Венгрии жил народ, состоящий из союза равноправных племен⁴⁹, то во второй половине X в. положение в корне изменилось.

По преимуществу к западу от Дуная, в тех землях, где венгерские племена поселились среди славян, на базе более развитого земледельческого производства, укрепилась власть ранне-феодалного венгерского государства Арпадов. Это государство сломало сопротивление родовой знати с ее многочисленными дружинами, которые существовали главным образом за счет грабежа соседей, чем нарушали нормальную экономическую жизнь страны. Однако после образования венгерского государства столицы его Фехервар, Эстергом и другие города, расположенные к западу от Дуная, были отрезаны от Руси обширной малоосвоенной территорией. Что же касается дунайского пути, то торговля по нему была затруднена из-за сложности болгаро-византийских отношений.

⁴⁶ ПВЛ, ч. I, стр. 86.

⁴⁷ Там же, стр. 85, 86.

⁴⁸ Там же, стр. 48.

⁴⁹ См. Константин Багрянородный. Указ. соч., гл. 40, стр. 19.

